

А.П. Мертваго

Не по торному пути

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

A11 **А.П. Мертваго**
Не по торному пути / А.П. Мертваго – М.: Книга по Требованию, 2019. –
345 с.

ISBN 978-5-518-01429-9

ISBN 978-5-518-01429-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2019

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2019

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

дить себѣ покупателей, потому что вся земля между съ помѣщиками, а не съ крестьянами. Въ Самарской губерніи былъ одинъ купецъ, торговавшій имѣніями очень бойко. У него земля не залеживалась, такъ какъ къ каждому хутору онъ покупалъ небольшую полосу земли кругомъ прилегающихъ деревень. Эта полоска земли удваивала цѣну имѣнія, такъ какъ дѣлала хозяйство выгоднымъ и по плечу для всякаго.

Поменьше дѣлать, побольше получить — вотъ нашъ девизъ; вслѣдствіе такого направленія націи, все окрашивается въ цвѣтъ чиновничества, всякая борьба обращается въ борьбу за „приличное содержаніе“. Возьмемъ, на примѣръ, женскій вопросъ. Развѣ онъ у насъ представляетъ борьбу за политическое равенство половъ, какъ всюду? Развѣ русская женщина добивается недостающаго ей научнаго образованія, равенства правъ и т. п.? Нѣтъ, женщина ищетъ не науки, а образованія спеціальнаго для того, чтобы быть докторомъ, преподавательницей на жалованіи. Это не Огюстины Оклеръ, это просто чиновники съ тѣмъ же обезпеченнымъ пирогомъ и только въ новомъ костюмѣ. Въ этомъ чиновничьемъ характерѣ женскаго вопроса надо искать причину того, что въ Россіи съ такимъ трудомъ развивается вѣдшее женское образованіе—мужчины не хотятъ упустить изъ рукъ вкуснаго пирога. Указывая на характеръ женскаго вопроса, я дѣлаю это не въ укоръ самой идеѣ, желательной и законной, да не въ укоръ и русской женщинѣ, такъ какъ она не можетъ быть другой, такъ какъ она плоть отъ плоти и духъ отъ духа того общества, изъ котораго вышла; она все-таки дочь статскихъ совѣтника и „совѣтницы“ или волостныхъ старшины и „старшинихи“, которые мечтали выдать ее замужъ за обезпеченнаго имуществомъ или службою человѣка, но она уже была развитѣе своихъ родителей и мечта попасть на содержаніе къ мужу не могла ее удовлетворить, она начала стремиться къ собственной обезпеченности, начала добиваться попасть на содержаніе къ правительству, обществу. Она, какъ видите, раз-

вивала далѣе тотъ идеаль „содержанія“, который былъ и у родителей; другого она не могла создать; семейная жизнь у нея не существовала, хозяйственной тоже не было; а если и была, то мать не для того готовила свою дочь, чтобы умѣть вести хозяйство—на это прислуга есть, были бы только деньги, и какая же мать не увѣрена, что ея дочь не сдѣлаетъ выгодной партіи? Какая бы хозяйка ни выработалась изъ матери, но весь ея опытъ пропадаетъ даромъ, такъ какъ идеалы направлены не въ сторону хозяйства, а въ сторону „легкаго житья“. Если она выработала изъ себя хозяйку, то считаетъ это жертвой съ своей стороны для семьи и къ такой жертвѣ не станетъ готовить свою дочь.

Такимъ образомъ чиновничье направленіе общества не могло создать хозяйки, а безъ нея не могло создаться и прочное хозяйство; „бабой дворъ держится“, говоритъ мужицкая поговорка, и это совершенно вѣрно, такъ какъ крестьянское хозяйство стояло бы еще ниже, если бы общій складъ жизни не заставлялъ крестьянскую женщину вести хозяйство. То, что дѣлаетъ этотъ „складъ жизни“ въ крестьянскомъ дворѣ, то же должна бы создать идя въ интеллигентномъ классѣ, если бы онъ принадлежалъ къ земледѣльческой націи.

Но „по горшку и покрышка“. Хозяинъ русскій ничѣмъ не отличается отъ хозяйки: тѣ же идеалы, то же отсутствіе интересовъ въ хозяйствѣ. Заѣзжайте въ любую усадьбу, что вы тамъ встрѣтите? Игру въ винтъ, подражаніе городскому комфорту и скуку—болѣе ничего. Хозяйствомъ никто не интересуется, и если начинаются разговоры о хозяйствѣ, то они вертятся на цѣнахъ хлѣбовъ и рабочихъ и на жалобахъ на невозможность хозяйничать. Чужое хозяйство никого не интересуешь, и если когда изъ любезности васъ спросятъ о вашемъ хозяйствѣ, то вопросъ будетъ о томъ, какую вы съѣте рожь—альпійскую или шампанскую; этотъ вопросъ, чаще всего задаваемый, не вызывается вовсе интересомъ ко введенію новаго сорта ржи: нѣтъ, это просто праздный вопросъ

— . —

для вопроса, чтобы занять гостя, чтобы не начать разговора съ погоды.

Таковъ преобладающій типъ русскаго хозяина, хозяйничающаго не отъ того, что хозяйство его интересуеть, а только потому, что пить-ѣсть надо, а теплыхъ мѣсть не хватаетъ. Кто у насъ составляетъ контингентъ сельскихъ хозяевъ? Люди, не годные для чиновничества, бракъ въ бюрократическомъ строѣ. Но, кромѣ отбросовъ чиновничества, деревня иногда заманиваетъ къ себѣ и настоящихъ людей, которые работаютъ для будущаго и вырабатываютъ возможныя для мѣстности системы хозяйства; которые не руководствуются наживой. Такіе хозяева представляются свѣтлыми точками на мрачномъ фонѣ русскаго хозяйства; но всѣ эти Энгельгардты, Путяты, Кожины, Левяцкіе и другіе не могутъ придать странѣ земледѣльческій характеръ, они случайны и потому съ ихъ смертію пропадутъ и ихъ хозяйства.

Нѣтъ преимущества—нѣтъ и солиднаго дѣла; таково положеніе нашего хозяйства. Дѣти сельскаго хозяина не растутъ въ деревнѣ и не связаны съ ней; ихъ интересы, съ первыхъ лѣтъ дѣтства, въ городѣ; ихъ воспитаніе заключается въ послушаніи, ихъ мечты въ службѣ и ничего-недѣланіи. Развѣ наши дѣти, пріѣхавъ на вакать въ деревню, станутъ намъ помогать въ хозяйствѣ? Нѣтъ, они живутъ, какъ на дачѣ, и ихъ помощь проявляется иногда только въ загонѣ потравщика, или въ приглядѣ за тѣмъ, чтобы не украли сноповъ. Мы сами не стараемся заинтересовать ихъ хозяйствомъ и зовемъ ихъ на помощь только въ экстренныхъ случаяхъ, когда наличныхъ силъ хозяйства не хватаетъ для обереганія кармана. Мы сами такимъ образомъ знакомимъ ихъ только съ одной отвратительной стороной нашего русскаго хозяйства, но самое хозяйство имъ остается неизвѣстно и неинтересно. Какая разница въ воспитаніи нашихъ и крестьянскихъ дѣтей, которыя послѣдовательно проходятъ школу крестьянскаго хозяйства, начиная съ няньки дѣтей, пастуха, батрака въ чу-

жомъ дворѣ и только послѣ всего этого дѣлаются хозяевами. У крестьянъ все воспитаніе направлено къ извѣстной цѣли и изъ ихъ среды скорѣе всего, кажется, могли бы выдти хозяева, но, къ сожалѣнію, отсутствіе знаній и подавленность личности, выработанная крѣпостнымъ правомъ и перешедшая уже въ породу, мѣшаютъ развитію посредствомъ ихъ хозяйства.

И такъ, современная землевладѣльческая Россія даетъ намъ съ одной стороны крестьянина, который подготовилъ себя къ веденію хозяйства, но не подготовленъ вести его осмысленно; съ другой стороны создаетъ интеллигента, который могъ бы осмыслить дѣло, да не подготовленъ ни къ чему и ничѣмъ, кромѣ „легкаго житья“, не интересуется.

Какое же это земледѣльческое государство?

Улита ѣдетъ — когда-то будетъ.

Двадцать лѣтъ тому назадъ въ Россіи были еще всякіе вопросы, которые мучили, волновали; эти вопросы заставляли искать отвѣта и не нашли еще тогда себѣ разрѣшенія въ игрѣ въ винтъ и кутежахъ. „Было время, а теперь другое“, говоритъ поговорка. У всякаго былъ свой вопросъ, всякій искалъ своего *raison d'être* и всякій разрѣшалъ его по своему.

Мое рѣшеніе было, что надо ѣхать, или, вѣрнѣе, воротиться въ деревню: для меня фраза, что мы нація земледѣльческая, звучала фальшью въ настоящемъ и въ то же время увлекала воображаемымъ будущимъ. Я не могъ понять интеллигента виѣ деревни, онъ былъ для меня безмысленъ; я его признавалъ только тогда, когда отъ него была польза деревнѣ, мужику. Докторъ, учитель, инженеръ, технологъ и т. п. должны были по моему или быть въ деревнѣ, или не существовать. Такъ мнѣ думалось, сидя въ Петербургѣ, споря съ товарищами; такъ мнѣ думалось, когда я ѣхалъ домой въ Казанскую губернію, мечтая тамъ начать хозяйничать.

Происходя изъ старинной помѣщичьей семьи, я не могъ въ себѣ заглушить инстинктовъ, развившихся въ деревнѣ; хотя я *зналъ* ее очень мало, но она тянула къ себѣ, и деревенская жизнь рисовалась въ воображеніи какой-то заманчивой идилліей.

Я не былъ по породѣ чиновникомъ, такъ какъ мои предки, за малыми исключеніями, всѣ жили самостоятельно, хозяйственною жизнью; все это не могло не отразиться на мнѣ и не могло не отозваться тогда, когда направленіе мыслей соскочило съ точки зрѣнія, навѣянной русскою общественною жизнью, съ точки зрѣнія *русскаго альтрюзизма* или попросту чиновничьяго склада мысли. Я пересталъ искать въ мечтахъ „славы и добра“, я понялъ, что эти слова чужія другъ другу, я понялъ, что они означаютъ: „капиталь пріобрѣсти и невинность соблюсти“.

Я хотѣлъ жизни самостоятельной не только въ матеріальномъ отношеніи, но и въ нравственномъ; я желалъ независимости и видѣлъ независимость только въ деревнѣ, въ мечтахъ у меня рисовалась картина не помѣщичьей жизни, которая мнѣ была хорошо знакома и недостатки которой меня тяготили, а жизни американскаго фермера, работающаго вмѣстѣ съ работникомъ; въ мечтахъ мнѣ представлялось, что мой работникъ не работникъ, а членъ хозяйственной семьи; мнѣ представлялись отношенія съ работниками въ видѣ тѣхъ патріархальныхъ отношеній, которыя были у насъ въ домѣ съ прислугой, и гдѣ эта патріархальность происходила не вслѣдствіе того, что „господа чудили“, или были „рубашкой“, которую всякій могъ надѣть, а благодаря личной симпатіи и привязанности другъ къ другу. Хозяйство я мечталъ завести небольшое, машины должны были облегчать и ускорять работы; молотилка шумѣла въ моихъ ушахъ, я видѣлъ уже, какъ жнейка махала своими граблями; хозяйство въ мечтахъ благоденствовало и расширялось, а я самъ подъ эти мечты короталъ дни, пока ѣхалъ по Николаевской и Нижегородской дорогѣ, по

Волгѣ и по проселку, которымъ подвѣзиль меня ямщикъ къ роднымъ мѣстамъ.

Но вотъ я пріѣхалъ, и мечтанія мои столкнулись съ дѣйствительностью и остановились; ихъ дѣло было сдѣлано—задача задана, надо было внимательно прослушать условія задачи и рѣшить ее. Условія задачи я до извѣстной степени зналъ, но пока я былъ въ городѣ, я какъ бы старался ихъ не знать, старался отогнать воспоминанія о нихъ. Мнѣ казалось, что „яко таетъ воскъ отъ лица огня“, такъ не будутъ существовать и „условія задачи“ лишь только я достигну обѣтованной земли. Но я упустилъ изъ виду, что я не огонь и буду имѣть дѣло далеко не съ воскомъ. Задача оказалась трудная; поддержки я ни отъ кого не видалъ люди практическіе говорили, что мои планы безтолочь и что изъ нихъ ничего не выйдетъ, что мелкое хозяйство въ Казанской губерніи не имѣетъ смысла, такъ какъ мѣстность слишкомъ мало населенная; что хозяйство интенсивное невозможно, такъ какъ еще не нужно, и распространенное всюду трехполье даетъ въ данное время максимумъ того, что можетъ дать земля; что хозяйству надо еще расширяться въ существующемъ направленіи. Но такихъ возраженій было мало и они меня ничуть не волновали; я съ ними не могъ согласиться, такъ какъ смотрѣлъ на современныя формы хозяйства съ пренебреженіемъ горожанина и упорно стоялъ на своемъ. Въ головѣ у меня сидѣла проповѣдуемая въ то время „Земледѣльческой Газетой“ кукуруза, конскій зубъ, неимовѣрные урожаи которой наполняли силосы, изъ которыхъ вкусный кормъ съ виннымъ запахомъ разносился стойловому скоту; скотъ былъ породистый—альгаускій—и на мясо и на молоко.

И такъ, меньшинство смотрѣло на мои планы, какъ на пустую затѣю, но большинство, подобно Тяпкину-Ляпкину въ „Ревизорѣ“, видѣло „тонкую и больше политическую причину“ въ моемъ желаніи поселиться въ деревнѣ и считало, что это „что-нибудь не даромъ“. Главное, что всѣхъ смущало, это

то, что я хочу самъ работать, хочу, чтобы работники ѣли то же, что и я; этого было достаточно, чтобы прослыть за неблагонамѣреннаго, за потрясателя основъ въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ; это предположеніе было тѣмъ болѣе убѣдительно, что я пріѣхалъ изъ Петербурга, этого очага революціи, по мнѣнію праввиціи. Эта сторопа провинціальной жизни была самая неприятная и о ней мнѣ еще придется упоминать въ своемъ разсказѣ.

Теперь, конечно, подобныя подозрѣнія ничего не значать для дѣла и на нихъ не обращаешь вниманія, но тогда, когда приходилось еще только начинать дѣло, они были очень неприятны и отнимали смѣлость, безъ которой нельзя было приниматься осуществлять свои планы; тѣмъ болѣе, что и безъ того я не зналъ, какъ взяться, съ чего начать, такъ какъ пріѣхалъ въ деревню, не умѣя работать, не живши никогда съ крестьянами и зная ихъ только по литературѣ.

Подъ предлогомъ осени и зимы я откладывалъ осуществленіе своихъ мечтаній до весны; мнѣ было какъ-то стыдно приняться за работу, никогда не работавши; я боялся, что буду смѣшонъ, и потому старался менѣе думать объ ожидающемъ меня будущемъ и убивалъ время за чтеніемъ „Земледѣльской Газеты“ и сельско-хозяйственныхъ „твореній“.

Голова одурѣвала отъ подобнаго чтенія безъ хозяйства; я приводилъ себя въ состояніе какого-то хозяйственнаго гипноза, и видѣлъ въ немъ необходимость для подготовки себя къ хозяйству, а потому продолжалъ читать, все болѣе и болѣе одурѣвая отъ безконечныхъ страницъ цифръ и буквъ. И для кого эти книги писались? Съ тѣхъ поръ, какъ я занимаюсь на самомъ дѣлѣ хозяйствомъ, всѣ эти книжки стоятъ себѣ смиренхонько на полкахъ шкафа, никому не нужныя, по большей части непригодныя даже для справокъ, развѣ когда какой-нибудь заѣзжій воздыхатель о хозяйствѣ начнетъ ихъ пересматривать и расхваливать мою библіотеку.

Двадцать лѣтъ тому назадъ я наивно думалъ, что всему

можно научиться по книжкамъ, что хозяйство не требуетъ солиднаго образованія; вѣрилъ, что есть какая-то „агрономія“, которую можно купить за нѣсколько рублей, прочесть и начать вести по ней хозяйство.

Теперь, хозяйничая, я понялъ, что, прежде чѣмъ браться за хозяйство, надо умѣть понимать его, а когда достигнешь этого пониманія, и книги въ пользу будутъ, такъ какъ безъ справокъ обойтись нельзя; но тогда я думалъ иначе; я прочелъ и настольную книгу для сельскихъ хозяевъ, и Преображенскаго, и Бирнбаума, и Жирардена, переведеннаго Калиновскимъ и обработаннаго Гаммомъ и т. п. Наконецъ, перечитавъ все, что было подъ руками и не имѣя дѣла, я позволилъ себѣ приняться за „свѣтское“ чтеніе. Мнѣ попались „Отечественныя Записки“ за прежніе годы. „Записки дурака“ Е. Ноэля заинтересовали меня своимъ заглавіемъ; это замѣчательное по наивности и свѣжести произведеніе попало мнѣ какъ разъ во-время, когда, утомленный твореніями сельско-хозяйственныхъ отцовъ и бездѣльной жизнью, я переставалъ вѣрить своимъ мечтамъ. Сельско-хозяйственная идиллія, изображаемая Ноэлемъ, какъ разъ совпадала съ моими мечтами; живость и наивность изложенія подтверждала возможность устройства подобной жизни; она рисовала ее еще привлекательнѣе, чѣмъ я рисовалъ себѣ; она давала не только станцію, но намѣчала и дальнѣйшій путь и стала для меня образцомъ, идеаломъ.

Послѣ мнѣ приходилось встрѣчать много лицъ, на которыхъ эти „Записки дурака“ производили такое же сильное впечатлѣніе. Многіе были настолько увѣрены, что эта повесть представляетъ описаніе существующаго, что указывали на Ноэля, какъ на основателя интеллигентной общины и руководителя во Франціи цѣлаго движенія интеллигенціи къ землѣ.

Въ 1881 г., живя во Франціи, я отправился въ Руанъ, чтобы познакомиться съ общиной Ноэля. Онъ жилъ въ деревнѣ Буагильомъ, которая на картахъ значилась верстахъ въ пяти отъ Руана. Я отправился къ нему пѣшкомъ; дойдя до город-

ской заставы, я спросилъ у сторожа, гдѣ дорога въ Буагильомъ. Оказалось, дороги не было, такъ какъ Буагильомъ отдѣлялся отъ меня только рѣшеткою заставы. Я видѣлъ сквозь эту рѣшетку цѣлую улицу каменныхъ домовъ, окруженныхъ садами. Но такой въ воображеніи мнѣ представлялась деревня; это меня нѣсколько смутило, но я тѣмъ не менѣе отправился разыскивать по адресу Ноэля.

Нашелъ я его заваленнымъ книгами и рукописями, сидящимъ у камина въ маленькомъ деревянномъ баракѣ, въ тѣни небольшого сада—это былъ его рабочій кабинетъ; принялъ онъ меня очень любезно и былъ удивленъ, услыхавъ, что его знаютъ въ Россіи. Я разспрашивалъ о хозяйствѣ, о свеклосахарномъ заводѣ и т. п., подразумѣвая описываемую имъ общину, онъ отвѣчалъ, подразумѣвая окружныя хозяйства. Наконецъ недоразумѣніе наше прекратилось, когда я началъ рассказывать о попыткахъ русскихъ устроить интеллигентныя общины, подобныя той, что создана имъ. Мои рассказы сконфузили старика, какъ будто онъ былъ пойманъ во враньѣ; онъ началъ объяснять, что у него общины никакой нѣтъ, что это только его мечта, что онъ въ своихъ „Запискахъ дурака“ ничего не выдумалъ, что почти подобное было во Франціи. Я спросилъ у кого и просилъ дать адресъ такой общины, но оказалось, что это было у Оливье-де-Серъ при Генрихѣ IV. Онъ съ любовью рассказывалъ о простотѣ того времени, но я ничего не видѣлъ поучительнаго въ этой старинѣ; для меня весь интересъ подобной общины былъ въ возможности соединить такіе разнородные элементы, какъ интеллигентъ и крестьянинъ при ихъ настоящей разницѣ, а во время Генриха IV такой разницы еще не было.

Я сидѣлъ передъ Ноэлемъ, пораженный своимъ мыльнымъ пузыремъ; онъ былъ сконфуженъ и оправдывался за Францію, которая, по его увѣренію, не совсѣмъ еще погибла; онъ утверждалъ, что она все-таки нація земледѣльческая и что социальные вопросы настолько близки къ разрѣшенію, что можно

предвидѣть скорое соединеніе труда и знанія къ общей работѣ. Но меня его увѣренія мало убѣждали, такъ какъ я слушалъ ихъ въ деревнѣ Буагильомъ, которая еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ была деревней на разстояніи пяти верстъ отъ Руана, а теперь она уже почти поглощена имъ. Подобное расширеніе городовъ и поглощеніе ими окружающихъ деревень совершается всюду во Франціи. Городъ всюду торжествуетъ въ борьбѣ съ деревней, и послѣдней не достанется обновить Францію, какъ мечтаетъ объ этомъ Ноэль. Я слушалъ Ноэля, но будущность Франціи, о которой онъ говорилъ, меня не интересовала; я пришелъ, чтобы увидать общину „Дурака“, общину, которая подтверждала мою мечту, которой я нѣсколько лѣтъ вѣрилъ и которая, оказывалось, не существовала.

Но возвратимся къ тому времени, когда я въ первый разъ прочелъ „Записки дурака“.

Я продолжалъ читать „Отечественныя Записки“ и, какъ бы сознательно, нападалъ на статьи, которыя поддерживали меня въ моихъ планахъ. „Письма изъ деревни“ А. Н. Энгельгардта мнѣ попались тогда въ первый разъ и я, чувствуя за ними поддержку, мечталъ попасть въ Батицево, которое мнѣ представлялось какимъ-то хозяйственнымъ эльдорадо.

Зима подходила къ концу. Пора было на что-нибудь рѣшиться, но рѣшенія опредѣленнаго у меня не было. За эту зиму, слѣдя за хозяйствомъ брата, я понялъ, что умѣнье хозяйничать дается не даромъ и что за науку придется заплатить дорого. Надо было по возможности удешевить стоимость этой науки, а для этого пробыть нѣкоторое время въ чужомъ хозяйствѣ, но гдѣ же найти такое хозяйство, въ которомъ стоило бы учиться; вѣдь я мечталъ о „раціональномъ хозяйствѣ“, а наши хозяйства мнѣ казались отсталыми.

Разъ, что я искалъ лучшаго, собирался воевать, то и учиться надо было тамъ, гдѣ хозяйство не заурядное. Но гдѣ найти такое хозяйство—я не зналъ